

От преклонения перед героями к поклонению Будде

Если Будда по самой своей природе — герой, а буддийский идеал — это идеал героический, то что из этого следует? Какое отношение этот героический идеал имеет к нам или какое отношение мы имеем к нему? Какая разница между героем и не героем? Есть ли между ними какое-нибудь существенное различие? Возможно, на этот вопрос удастся легче ответить, если воспользоваться другим термином и сказать, что герой — это еще и гений, то есть культурный герой. В чем же тогда разница между гением и обычным человеком? То, как мы используем слово «гений», заставляет предположить, что это различие качественное, то есть гений относится к некоему другому виду, но на самом деле это различие имеет количественный характер. Иначе говоря, те, кого мы называем гениями, развили в себе в высокой или наивысшей степени те достоинства, которые у нас не получили развития или остались едва проявленными.

Возьмем, например, музыку, которая представляет собой набор звуков, сознательно организованный таким образом, чтобы он представлялся нам прекрасным. Ясно, что любой, кто не глух, в какой-то степени обладает способностью ее

ценить. Доктор Джонсон* неоднократно признавался или, точнее, бравировал тем, что не способен узнать мелодию гимна «Боже, храни короля». Однако весьма сомнительно, чтобы музыкальный слух как одна из свойственных человеку способностей мог полностью отсутствовать. Просто у великих музыкантов, благодаря врожденной или развитой склонности, простому прилежанию, родительскому поощрению, природному таланту или силе воли, эта способность превратилась в то, что мы называем гениальностью. То же самое относится и к литературе. Великий поэт или прозаик использует те же средства выражения, что и мы, когда пишем письмо, только он довел владение языком до высочайших вершин мастерства. И еще говорят: даже грубо намалеванная вывеска, украшающая деревенскую гостиницу, напоминает нам о том, что на свете некогда жил Рембрандт.

Этот принцип можно применить почти к любому предмету. Есть хорошие философы, и есть философы посредственные, но нет человека, который не обладал бы какой-нибудь жизненной философией. Просто великий философ излагает свое мировоззрение с большей точностью и воображением, чем все остальные. Если бы разница между гением и обычным человеком носила не количественный, а, скорее, качественный характер, мы просто не могли бы понимать гениальные произведения. Мы способны понимать музыку, поэзию или философию только потому, что в нас уже есть и музыка, и поэзия, и философия. У нас есть некоторое родство с этими предметами, пусть даже оно не получило должного развития. Один из средневековых немецких мистиков сравнивает в своем стихотворении глаз с солнцем, а душу — с Богом. Как глаз не мог бы видеть солнце, не будь он в чем-то подобен солнцу, — говорит он, — так и человеческая душа не могла бы постичь божественное, не будь божественного в ней самой. Поэтому мы не могли бы понимать Моцарта, не будь в нас чего-то от Моцарта. Мы не могли бы понимать Шекспира, не будь в нас чего-то от Шекспира. И, как

* Сэмюэл Джонсон, английский писатель и лексикограф (1709–1784). — *Прим. ред.*

будет видно дальше, мы не могли бы понимать Будду, не будь в нас чего-то от Будды.

Конечно, такое понимание дается не легко. Произведения искусства ставят перед нами задачи и подчас требуют предельного напряжения. Иногда нам совсем не удастся их понять. Даже если взять Моцарта, которого обычно не считают революционером в музыке, некоторым из его современников казалось, что в его поздних произведениях ощущается недостаток гармонии, тогда как на самом деле он просто вышел за пределы условностей своего времени, опередил общий уровень восприятия. Поначалу творческий гений всегда одинок, но постепенно всё больше людей дорастает до его видения, пока наконец не происходит общий скачок в восприятии культуры. Приложив некоторые усилия, почти любой из нас может понять произведения великих творцов прошлого.

Сходный процесс развивается и в обратном направлении. Общий уровень культурных достижений обеспечивает то сырье, которое дает возможность гениальной личности выразить свой талант. Это не простая случайность, что Моцарт вырос в обществе, пронизанном духом музыки, что Микеланджело появился на свет в разгар итальянского Ренессанса, что Шекспир оттачивал свое мастерство в окружении целого созвездия поэтов-драматургов или что Платон вынашивал свои теории в городе, где философская мысль была ключом. То же самое можно отнести и к создателям духовных и религиозных традиций. В какой-то степени их порождает благоприятная культурная среда, и не удивительно, что Будда выходит на сцену в эпоху напряженного духовного поиска. Тем не менее, развитие культуры происходит главным образом благодаря усилиям отдельных людей, работающих либо в одиночку, либо вместе с горсткой единомышленников. Группы, школы и учреждения склонны только тормозить творческий процесс.

Таким образом, с точки зрения культурной эволюции, гений или герой — это предтеча, опередивший на несколько шагов остальное человечество и указывающий путь остальным. Это снова возвращает нас к эволюционной модели развития человечества: с одной стороны, у нас есть буддийская модель духовного развития, а с другой — научная модель

эволюции. Как мы убедились, эти две модели можно — по крайней мере, с буддийской точки зрения — совместить так, чтобы буддийское воззрение в каком-то смысле считалось продолжением научного мировоззрения, а вместе взятые они образовывали единый непрерывный процесс развития. То есть мы начинаем с низшей эволюции, направляемой циклической, реактивной или бессознательной зависимостью, а дальше, прилагая сознательные творческие усилия, развиваемся по спирали к «высшей эволюции».

Приняв эту общую схему, можно разбить ее на этапы. Первый этап — это биологическая эволюция, предшествующая появлению человека. Затем, с появлением самоосознания, наступает очередь «человеческого» этапа. С этого уровня берет начало высшая эволюция, которую открывает «сверхчеловеческий» этап, характеризуемый появлением героической личности или гения. И наконец наступает этап, когда видение природы реальности становится настолько глубоким, что бесповоротно направляет сознание человека к просветлению. Этот момент традиционно называют «вхождение в поток», и он знаменует начало того, что можно назвать «транс-человеческим» этапом эволюции.

Таким образом, мы можем определить свое место в эволюции. Люди находятся на самых разных уровнях развития между человеческим этапом и сверхчеловеческим. Мы, буддисты, ставим перед собой задачу подняться с того уровня, на котором находимся, на третий этап — этап героев и гениев — и пройти его. То, что наш путь ведет не к постепенному ослаблению «я» и к отказу от него, а к обретению сильной и героической личности, может кого-то удивить. В конце концов, если определить то, что отличает героя и гения от сравнительно обычных людей, то это и есть личность. Они не винтики в механизме, а штучный товар.

Каждому из нас приятно считать себя личностью, но большую часть времени мы ею не являемся. Даже если очень стараться быть не таким, как все, вести себя не так, как все, нарушать все установленные рамки, это не сделает вас личностью, хотя иногда и может стать первым шагом к ее обретению. Приходится признать, что вокруг мало личностей, потому что мало истинной осознанности. А чтобы стать подлинной личностью, необходимо прилагать сознательные усилия

к тому, чтобы лучше осознавать: глубже осознавать себя, глубже осознавать других, глубже осознавать среду — то, что нас окружает, глубже осознавать саму реальность.

В статистическом, количественном смысле, нас можно считать личностями, потому что мы люди. Но очень и очень немногих можно назвать личностями в психологическом и духовном смысле. Большинство людей не обладает достаточной осознанностью, чтобы их можно было отнести к подлинным личностям. Поэтому, говоря о преодолении «я» и постижении истины отсутствия «я», буддисты ведут речь о том, что для большинства из нас совершенно недоступно. Ведь большинство даже не имеет развитого «я» — что уж там говорить о постижении отсутствия «я». Если человек не имеет развитого «я», отличного от умонастроений группы, если его «я» лишь немногим больше аморфной массы внушенных истин, если он еще не научился по-настоящему быть самим собой, то ему пока нечего преодолевать. Именно потому для буддийского пути необходимы страстная преданность и дар предвидения — те черты личности, которые мы наблюдаем у великих художников, гениев и героев.

Если мы знаем, что такое для нас герой или гений, то можем получить более ясное представление о том, кто такой вошедший в поток даже сам Будда. Мы можем сказать, что гений — человек, находящийся на переднем крае культуры, культурный герой — в большей или меньшей степени олицетворяет собой то, кем может стать обычный человек с точки зрения культурного развития. То есть вошедший в поток олицетворяет собой то, чем может стать такая подлинная личность в духовном смысле. А Будда олицетворяет собой ту цель, к которой необратимо стремится вошедший в поток. Вместе взятые они составляют один непрерывный процесс развития в рамках высшей эволюции.

Таким образом, можно проследить аналогию — а может, и не только аналогию, но и полное соответствие — между культурным героем и Буддой. Будда — первый в истории пример того, кем может стать каждый человек. Будда отличается от прочих людей не качественно, но степенью своего развития — той степенью, в которой он проявил свои внутренние задатки. В сутрах для объяснения этого важнейшего момента использован совершенно обыденный образ. «Пред-

ставьте, — говорит Будда, — что курица снесла несколько яиц, а потом терпеливо насиживает их, пока цыплята не начнут проклеиваться. Что тогда происходит? Ясно, что все цыплята не выскакивают из яиц одновременно. Сначала появляется один цыпленок. И что же делает этот первый цыпленок, освободившись от своей скорлупы? Начинает стучать клювиком по скорлупе остальных яиц, помогая другим цыплятам появиться на свет».

Смысл этого образа понять не сложно. Яйцо — это состояние без осознанности, чрево духовного мрака и неведения, в котором мы спим. Будда — это цыпленок, который первым выбрался из своей скорлупы и тотчас начал будить других, энергично стуча по скорлупе остальных яиц. Возможно, он слышит в ответ приглушенный стук и тогда начинает стучать еще энергичнее. Изнутри доносится еще более нетерпеливый стук, и так до тех пор, пока скорлупа не треснет и из нее не выберется его собрат-цыпленок.

Поэтому у Будды есть еще один титул — *Локадъешитха*. Обычный перевод, «почитаемый миром», не передает всех смысловых оттенков этого титула, потому что на самом деле *дъешитха* значит «сын-первенец» и непальцы до сих пор часто употребляют это слово именно в таком смысле. Обычно в непальских семьях много детей, десять или дюжина — явление вполне обычное, и обычно к ним обращаются «первый сын», «второй сын», «третий сын» и т. д. и к дочерям точно так же. Для каждого ребенка есть специальное имя: *джеттха* (первый сын), *каила* (второй сын), *маила* (третий сын) и т. д. А поскольку *лока* значит «мир», то *локадъешитха* — это «первенец мира», старший брат всех людей, первый человек, переживший духовное рождение. В сутрах задан четкий вопрос: каково различие между Буддой и его просветленными учениками, и дан столь же четкий ответ: в духовном смысле единственное различие заключается в том, что Будда достиг просветления первым и самостоятельно, тогда как ученики — вслед за ним и с его помощью.

На шкале высшей эволюции Будда появляется в апогее транс-человеческого этапа — это не конечная его точка, но, так сказать, начало бесконечного продолжения. Строго говоря, Будда не человек и даже не сверхчеловек, а просто полностью просветленный. Тем не менее, высшая эволюция не

исключает низшей: Будда по-прежнему человек, но, в то же время, и нечто большее, чем человек и даже большее, чем сверхчеловек.

«Но при чем тут сверхчеловек, если речь идет о Будде? — можете спросить вы. — Мы что же, пытаемся интерпретировать буддизм в духе Ницше?» И правда, притягивать сюда Ницше нет никакой необходимости. Судя по всему, во времена Будды принцип сверхчеловека, или *махануруши*, занимал в Индии довольно важное место, и подробному описанию этой идеальной личности посвящена целая сутра, *Лаккхана-сутта*. Отличительные особенности (пали *лаккхана*) махануруши (пали *махануруса*) — это тридцать два главных знака, или признака, и восемьдесят четыре второстепенных, которые очень ясно воплощают высшие эстетические, культурные и религиозные идеалы того времени. С точки зрения современников, Будда, очевидно, соответствовал такому идеалу сверхчеловека, и это чрезвычайно важно, поскольку показывает, что Будда, не пренебрегая человеческим совершенством, в том числе телесным, тем не менее, подчинил его высшему совершенству — просветлению.

Мы любим проводить различие между людьми и животными, но на самом деле человеческое начало не исключает животного. Наша природа включает в себя и животное начало, которое подчинено подлинно человеческому. Мы развиваем свое человеческое начало, все свои подлинно человеческие признаки и функции, качества и взгляды, не столько отрицая в себе животное, сколько объединяя животное и человеческое. Поэтому, как в человеке, даже на высшей стадии его развития, присутствуют качества животного, так и природа Будды включает в себя и объединяет в себе человеческое, подчиненное просветленной личности.

Из всего этого следует сделать вывод, что культурное и духовное развитие совершенно аналогичны: они представляют собой низший и высший уровни общего духовного процесса, высшей эволюции. Оба они — достижения отдельных людей, идущих впереди и помогающих остальному человечеству. Следовательно, чтобы самим куда-то продвигаться, необходимо признать, что есть мужчины и женщины, уровень развития которых выше, чем наш нынешний. Культ героев или желание им поклоняться ни в коем случае не является

чем-то плохим, если оно направлено на достойные объекты, то есть на тех, кто действительно находится на более высоком уровне, чем остальные, а не на идолов современной поп-культуры, навязываемых нам средствами массовой информации. В склонности к цинизму и стремлении разоблачать чужие слабости нужно видеть их истинное лицо — зло. Нежелание верить в какие бы то ни было высокие идеалы, уважать тех, кто посвящает жизнь серьезному следованию таким идеалам, или признавать в человеке величие — такие настроения разъедают душу и порочны с духовной точки зрения.

Буддисты, напротив, стараются развивать в себе дух восхищения, уважения, благоговения и преданности. И это благоговение направлено не только на отдельных людей, достигших высокого уровня духовного развития, но и на всех остальных, потому что мы помним о том, кем они способны стать. В сутрах это сравнивается с тем, как в монархических системах принято почитать наследника престола, даже совсем юного. Пусть сейчас этот младенец играет с погремушкой, но вы знаете, что в свое время он станет царем, и поэтому относитесь к нему с подобающим почтением. Буддизм поощряет такой подход, такие чувства, по отношению ко всем существам. Сейчас они могут быть кем угодно — ворами, проститутками, финансистами и даже политиками, но придет день, и они станут буддами. Каким бы жалким ни было их нынешнее состояние, каким бы ограниченным ни было их мировоззрение, как бы глубоко они ни погрязли в дурных делах, их нужно уважать, помня, кем они потенциально являются и кем наверняка однажды станут.

Ситуация никогда не бывает настолько безнадежной, что бы можно было сказать: «Нет, им никогда не выбраться из ада, который они сами же создали». Например, в буддийских сутрах классический образец злодея — это Дэвадатта, двоюродный брат Будды. В каком-то смысле он был одним из самых одаренных учеников Будды, поскольку обладал всевозможными экстрасенсорными способностями, но был честолюбив и завистлив. Однажды он пришел к Будде и сказал: «Господин, ты стареешь. Господин, откажись от усилий. Расслабься, уйди на покой. Я буду за всем присматривать вместо тебя. Я поведу сангху».¹³ Когда же Будда высказал напрямик, что он думает по этому поводу, Дэвадатта попытался

спровоцировать раскол в сангхе, что в буддизме считается тягчайшим преступлением. Когда это не удалось, он даже устранил покушения на жизнь Будды. Один раз он напустил на своего учителя бешеного слона, другой — столкнул на него с холма каменную глыбу. Конечно же, эти попытки потерпели неудачу, и некоторое время спустя Дэвадатта умер от огорчения. Говорят, что после смерти он отправился в неприятное место. Но в махаянских сутрах сказано, каким будет имя Дэвадатты, когда он станет буддой, и точное время, когда это произойдет. Так что независимо от того, верите вы в точность таких предсказаний или нет, принцип ясен. Даже такой человек, как он, несет в себе семя природы будды, и, очистившись, тоже станет просветленным и будет освобождать других существ. Поэтому никого и никогда нельзя считать полностью и безнадежно пропавшим. Если уж Дэвадатта сможет исправиться, то и любой сможет.

Особенно буддисты почитают своих духовных учителей, потому что их учителя — это символ того, чем они могут стать, чем хотят стать и чем непременно станут, если приложат необходимые усилия. Если мы не чтим свои идеалы, воплощенные в людях, которые живут ныне или давно умерли, которые знакомы нам лично или по написанным ими книгам, нам вряд ли удастся эти идеалы осуществить. Необходимо понимать, что именно от этого источника берет начало практика преданности и вся тема поклонения в буддизме.

То есть нужно различать слово «поклонение» и такие понятия, как посещение храмов и вознесение молитв вселенскому создателю. Тем, кто ассоциирует религию исключительно с поклонением Богу, легко сделать скоропалительный вывод: если буддисты кому-то поклоняются, то этим объектом поклонения должен быть какой-то бог. Такая путаница возникает из-за ограниченного смысла, в котором сегодня употребляется слово «поклонение». В Индии, напротив, одно и то же слово обозначает уважение, которое оказывают кому угодно — будде, родителям, старшим братьям и сестрам, учителям или любому пожилому и почтенному человеку.

Когда буддисты склоняются перед образом будды или бодхисаттвы и подносят ему цветы, свечи и благовония, они чтят будду как просветленное существо, а не поклоняются

ему как богу. Однако из этого вовсе не следует, что поклонение играет в буддизме второстепенную или даже незначительную роль, как хотелось бы думать тем, кто утверждает, что буддизм — это просто рациональная философия. Выражение признательности, ликования, уважения — словом, поклонение — очень важный элемент буддизма. Насколько он важен, становится на удивление ясно, когда мы вновь возвращаемся к жизнеописанию Будды и узнаём, что занимало мысли Будды, когда он после просветления сидел на берегу реки Неранджары.

Достигнув просветления, он провел в этой местности семь недель: сидел под деревьями — несколько дней под одним, потом несколько дней под другим. Так шли недели, и всё это время он почти ничего не ел. В сутрах еда упоминается только один раз: судя по всему, двое странствующих торговцев предложили ему немного меда и рисовых лепешек, но можно предположить, что он вышел за пределы любых материальных потребностей.

Он не только обрел просветление. Само по себе оно стало событием невероятной важности, но только им дело не ограничивалось. Перед ним стояла еще одна задача, причем еще более сложная. Следующие семь недель он сосредоточился на том, чтобы усвоить опыт просветления, позволить ему изменить и преобразить каждую частицу своего существа. В конце концов, то, что с ним произошло, можно без преувеличения назвать самым важным событием, которое только может случиться с человеком. Превращение непросветленного существа в просветленное настолько ошеломляюще, что человек, ставший просветленным, в каком-то смысле вообще перестает быть обычным человеком. Просветленный, будда, переходит в совершенно иную, новую категорию бытия.

Будда первый в истории человечества пережил такую перемену. Неудивительно, что он был потрясен собственным достижением. Вероятно, он обнаружил, что перед ним встала дилемма, а то и две, — по крайней мере, некоторые свои учения он излагал в форме дилемм, которые занимали только что переживший пробуждение ум Будды. Одна из них известна достаточно хорошо и положена в основу следующей главы. Другая, которую мы рассмотрим сейчас, осталась почти совершенно не замеченной теми, кто комментировал

жизнь Будды. Насколько я знаю, никто не высказывался по поводу замечательных и очевидных следствий, вытекающих из этого отрывка. Оба эпизода взяты из *Самьютта-никаи* — предметно упорядоченного свода сутр, но первый можно найти и в других текстах палийского канона. Менее известная, хотя, как мы убедимся, весьма удивительная дилемма, следует в тексте сразу за более известной, хотя и относится к более ранним событиям, происшедшим, судя по всему, через пять недель после просветления.

Вот вопрос, над которым размышлял в то время Будда: «Дурно жить, не выказывая никому почестей и повинования, достойных вышестоящего. Есть ли какой-нибудь отшельник или брахман, под чьим началом я мог бы жить, выказывая почет и уважение?»¹⁴ Это просто поразительно. Будда только что достиг высшего просветления, и вдруг мы видим, что он размышляет, кому бы выказать почет и уважение. Конечно, в наше время никто обычно не жаждет выказывать кому бы то ни было почет и уважение. Мы требуем уважения; мы требуем равенства; мы стремимся к тому, чтобы никого не ставили выше остальных. Возможно, некоторые стараются быть обходительными и вежливыми, но представление о том, что уважение идет, скорее, на благо человеку, который его оказывает, чем человеку, которому его оказывают, прямо противоречит нынешним социальным ценностям. Более того, может показаться, что такой подход Будды противоречит некоторым традиционным буддийским представлениям о нем самом и даже о просветлении.

Но вернемся к нашему эпизоду — может быть, он поможет нам прояснить этот вопрос. Будда продолжает размышлять, и его размышления касаются четырех тем: это упражнение в нравственности, упражнение в медитации, упражнение в постижении сути вещей, или в мудрости, и упражнение в размышлении на тему понимания освобождения. Он видит, что во всей вселенной — даже среди богов, включая самого Брахму Сахампати, властелина тысячи миров, и среди людей, как святых, так и мудрецов — нет никого, кто бы постиг это лучше него самого. Он видит: в том, что касается духовного прозрения и понимания, он выше всех существ во вселенной. Именно таким видит себя Будда, и, если мы не видим его таким, значит, мы вовсе его не видим.

Впервые осознав, кто он такой на самом деле, Будда видит, что нет никого, «под чьим началом он мог бы жить, выказывая почет и уважение». Разумеется, это совершенно ясно. Под чьим-то «началом» живут для того, чтобы учиться. А поскольку Будда в своем развитии превзошел всех других существ, то в духовном смысле ему учиться нечему. Но самое важное здесь то, что Будда не отступает: ему всё равно необходим объект для выражения преданности. Поэтому он размышляет дальше: «Эта Дхарма, в лоне которой я обрел высшее просветление, — что если я должен жить под ее началом, выказывая ей почет и уважение?» И в этот самый миг перед ним появляется Брахма Сахампати, который одобряет его решение и говорит, что все будды прошлого жили под началом Дхармы, выказывая ей почет и уважение, и все грядущие будды станут поступать так же.

Это просто поразительный эпизод. Он показывает, что даже Будде «нужно» (хотя в буквальном смысле просветленный ум не может в чем-то нуждаться) выказывать чему-то почет и уважение. Даже Будде нужно чему-то поклоняться. Поэтому поклонение — это не просто духовная практика, которую надлежит взять на вооружение как средство достижения цели, и от которой можно отказаться, достигнув просветления. Поклонение есть неотъемлемая часть самого переживания просветления. Просветленный ум — это ум поклоняющийся ничуть не меньше, чем ум совершенный или ум сострадательный. Нам всем знакомо изображение медитирующего Будды; наверное, мы видели изображения проповедующего Будды и даже стоящего или идущего Будды. Но к ним нужно добавить гораздо менее известное изображение поклоняющегося Будды.

В тексте говорится, что объект поклонения Будды — это Дхарма, только в данном случае это не та Дхарма, о которой мы обычно говорим, имея в виду учение Будды. Во первых, до этого эпизода Будда еще никому ничего не проповедовал. Дхарма, о которой идет речь здесь, — это Дхарма как принцип, Дхарма как высший закон, высшая истина или высшая реальность. Дхарма же, с которой знакомы мы, — это всего лишь умозрительное описание Дхармы как высшей реальности, выраженное в соответствии с потребностями людей. Будда поклоняется объекту или содержанию своего собственного опыта просветления.

Но когда мы об этом задумываемся, перед нами встает новая трудность. Если мы чему-то поклоняемся, то объект нашего поклонения непременно должен быть выше нас. Если Будда поклоняется Дхарме, значит, Дхарма выше Будды. Но каков смысл этого утверждения? Разве Будда не проник в Дхарму — так сказать, не освоил ее? Что же осталось в Дхарме такого, чему он может поклоняться? Чтобы решить эту задачу, нам придется еще раз, более внимательно, рассмотреть важнейший принцип Дхармы, пратитья-самутпаду — взаимозависимое возникновение, или обусловленное происхождение. Как мы видели в первой главе, этот принцип состоит в том, что каждая вещь обусловлена чем-то иным и всё происходящее имеет причину. Есть два вида взаимозависимого возникновения: первый — круговой процесс, символом которого является Колесо Бытия, и второй, порождающий спираль духовного развития. Первый из них Будда явно оставил позади: он свободен от круговорота бытия. Сейчас нас интересует второй, спиральный, вид пратитья-самутпады, представляющий собой последовательные этапы духовного пути.

Самая известная формулировка этой последовательности благих состояний или переживаний ума, известная как цепь благих *нидан*, такова: Поскольку есть страдание, возникает вера; поскольку есть вера, возникает радость; поскольку есть радость, возникает восторг; поскольку есть восторг, возникает покой; поскольку есть покой, возникает блаженство; поскольку есть блаженство, возникает сосредоточение; поскольку есть сосредоточение, возникает знание и видение вещей такими, какие они есть; поскольку есть знание и видение вещей такими, какие они есть, возникает удаление от привычного; поскольку есть удаление от привычного, возникает освобождение от уз, или непривязанность; поскольку есть освобождение от уз, или непривязанность, возникает свобода; поскольку есть свобода, возникает знание разрушения асрав, или неискусных, неблагих состояний.

Итак, эта последовательность есть второй из двух процессов, посредством которых осуществляется принцип пратитья-самутпады, — в ней-то и заключен смысл духовной жизни. Эта последовательность, в свою очередь, делится на два раздела: один — мирской, второй — запредельный. Первый раздел состоит из первых семи нидан, или звеньев, до «воз-

никновения знания и видения вещей такими, какие они есть». Все эти ниданы, кроме седьмой, хотя и являются благими и искусными, всё еще остаются мирскими. Они мирские потому, что, достигнув их, вы всё еще можете снова вернуться в круговорот бытия. Но начиная с «возникновения знания и видения вещей такими, какие они есть» и на протяжении пяти звеньев, составляющих второй раздел спирали, вы уже не можете вернуться, а можете двигаться только вперед. А вернуться вы не можете потому, что эти ниданы есть запредельные достижения.

Это делает седьмую нидану ключевой. Возникновение «знания и видения вещей такими, какие они есть» знаменует переход от мирского к запредельному. Оно представляет собой возникновение запредельного видения, или вхождение в поток, то есть на этом этапе вы входите в поток, который безошибочно ведет в океан нирваны. По очевидным причинам его также называют «момент невозвращения».

Но довольно о двенадцати благих ниданах. Тема нидан была затронута для того, чтобы прояснить тайну: почему Будда поклонялся Дхарме, как чему-то более высокому, нежели он сам. Вершина цепи нидан — возникновение знания разрушения асрав. Именно это происходит при достижении просветления. Именно тогда человек становится буддой. Но действительно ли это вершина? Действительно ли двенадцатая нидана — последняя? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно всего лишь обратиться к содержащемуся в сутрах эпизоду, повествующему о том, как была впервые описана цепь нидан. Мы обнаружим, что ее сформулировала блестяще одаренная монахиня по имени Дхаммадинна. Следует добавить, что Будда полностью подтвердил это ее положение.¹⁵ Из сказанного ею ясно, что описание двенадцати благих нидан заканчивается на этом просто потому, что оно должно где-то закончиться. Таким образом, подразумевается, что нет причины, по которой этот спиральный процесс не может продолжаться бесконечно. Иными словами, достижение просветления означает не достижение какого-то неизменного, конечного состояния, каким бы возвышенным оно ни было, а вхождение в некий запредельный процесс, необратимый и безмерный.

Поэтому, хотя Будда был высочайшим из живых существ во всей нашей вселенной, хотя он ушел по спиральному пути

дальше, чем кто-либо другой, впереди всё еще простирался путь, ждали новые этапы развития, которые еще предстояло исследовать. Вот почему для Будды было возможно «жить под началом Дхармы, выказывая ей почет и уважение». Здесь Дхарма — это закон, или реальность, пратитья-самутпады. Причем для поклоняющегося Будды Дхарма — это особенно тот закон, или та реальность, которые заключены в безымянных и пока неосвоенных ниданах — ниданах, которые, с нашей точки зрения, совершенно непостижимы. То, что после достижения просветления одной из первых мыслей Будды была мысль о поиске объекта поклонения, и то, что даже он смог найти такой объект, само по себе достаточно убедительно говорит о чрезвычайной важности поклонения в буддизме.

В этом эпизоде из *Самьютта-никаи* слово, которое мы переводим как «почет и уважение» — это *гарава*. Если обратиться к словарю, оно значит «благоговение, уважение, почет, преклонение, поклонение». То есть это слово явно подразумевает позитивное отношение, которое мы естественно проявляем по отношению к тому, кого или что считаем или ощущаем более высоким, чем мы сами. Очевидно, что есть будды и бодхисаттвы, но есть ли что-нибудь еще, что может быть объектом почета и уважения?

Оказывается, в буддийской традиции есть перечень шести гарав — шести объектов, достойных благоговения, уважения и поклонения. Это Саттха, Дхарма, Сангха, *сиккха*, *аппамада* и *патисантхара*. Первые три в особом разъяснении не нуждаются: в совокупности они известны как Три Драгоценности. Когда человек становится буддистом и заявляет о своей преданности буддизму, это традиционно называют «принятие прибежища в Трех Драгоценностях», или, сокращенно, «принятие прибежища». Вы принимаете прибежище в Будде как идеале просветления, в Дхарме — как главном духовном принципе, обнаруженном Буддой, вкупе с его описанием в своде учений и в *Арьясангхе* — как духовной общине тех, кто действительно следует этим учениям.

Если же речь идет о гаравах, то первая из Трех Драгоценностей называется Саттхой — это еще один титул Будды, полная форма которого обычно звучит как *саттха дэвамануссанам*, «учитель богов и людей». Вероятно, здесь Саттха

используется вместо Будды потому, что в сутрах он предстает в основном как учитель — высший учитель, учитель богов и людей. Следует принять во внимание и то, что в древней Индии любой, кто получал титул «учитель», автоматически удостоивался большого почета и уважения. Такой обычай существовал повсеместно во все века, за исключением нашего. В Индии он сохранился и поныне: даже учителя начальной школы называют «гуру» и, конечно же, это слово подразумевает глубокое уважение. В буддийской традиции родителей часто называют «первыми гуру» или, используя другое слово с тем же значением, «первыми *ачарьями*», потому что они первые, у кого мы учимся. И опять же, это выражает уважение. Мы уважаем своих родителей не только потому, что благодаря им появились на свет, но еще и потому, что они были первыми людьми, от которых мы чему-то научились.

Остальные три гавы, идущие после Саттхи, Дхармы и Сангхи, менее известны. Четвертая, сиккха, — это учеба, упражнение или дисциплина. Учеба является гавой потому, что невозможно с пользой изучать буддизм, не считая его чем-то таким, что тебя превосходит, чем-то способным помочь тебе расти и развиваться, — так дождь и солнце помогают растениям расти. В буддизме традиционно выделяют три объекта изучения или упражнения: высшую этику, высшие состояния сознания и высшую мудрость. Это важнейшие источники, благодаря которым мы учимся, растем и развиваемся. Но есть и многое другое, что способствует нашему развитию, например дружба и изящные искусства, — в буддизме они тоже могут быть аспектами учебы и упражнения и потому тоже достойны почета и уважения. То есть представление об учебе как о гаве несет в себе такой основной смысл: не стоит изучать то, что мы не способны чтить и уважать, потому что никакого толка от этого не будет.

Пятая гавая — это аппамада: внимательность или осознанность. Почему следует почитать внимательность? Почему она является одной из шести гавей? Ответ прост. Нужно уважать те качества, которые пытаешься развить. Если мы относимся к ним легкомысленно, не принимаем их всерьез, то ни о каком их развитии не может быть и речи. Иными словами, надлежит подходить с благоговением к любой духовной

практике, будь то практика осознанности или другой предмет, который мы изучаем. Аппамаду, или внимательность, называют пятой гаравой главным образом в символическом смысле, имея в виду ее важнейшее, ключевое значение для всей буддийской практики.

Говоря о последней гараве, патисантхаре, мы знакомимся с весьма интересным словом, имеющим широкий спектр родственных значений. Оно происходит от корня, значение которого — «распространяться», и буквально значит «расстилать перед собой». Это не слишком помогает нам понять, что же здесь является объектом поклонения. Однако есть выражение, которое помогает нам приблизиться к пониманию смысла этой гаравы, — «расстелить скатерть», то есть накрыть на стол. Оно навеивает воспоминания о коробках конфет и полуночных пирушках с приятелями в спальне школы-интерната или о чаепитиях у любящей бабушки, но смысл более или менее понятен. Расстеленная скатерть подразумевает пиршество, и примерно такое же значение имеет слово *патисантхара*. Оно подразумевает радушный дружеский прием, почет, доброжелательность, благоволение, дружбу — об этом сообщает нам словарь. К тому же пир может быть как материальным, так и духовным. Если взять значение «радушный прием», то очевидно, что может иметься в виду как гастрономическое пиршество, так и «пир духа» и даже «пир разума и ток души»¹⁶. На высшем уровне — это духовное изобилие, расстилающееся перед людьми. Таким образом, патисантхара охватывает богатый и важный аспект человеческой жизни, включая жизнь духовную. Но мы не сможем извлечь пользу из этого изобилия, если примем его как должное. Наряду с почитанием внимательности, сердцевины буддийской практики, необходимо почитать и все необъятные богатства буддийской жизни.

Учение о шести гаравах раскрывает важность почитания и поклонения в духовной жизни. Но, как мы уже видели, из эпизодов жизни самого Будды тоже явствует, что такое поклонение есть духовная потребность каждого буддиста, как бы далеко он ни продвинулся. Ведь чем больше места в своей жизни мы отведем поклонению, тем больше вероятность того, что однажды мы достигнем того, чего достиг сам Будда, и станем поклоняться тому, чему поклонялся он сам.